

КАРАНОВИЧ ЗОЯ
(Сербия, Нови Сад)

«МИЛОДУХА ДА СЕ МИЛУЈЕМО» — ОБРЯД, МАГИЯ, ПЕСНЯ

Аннотация. Предметом анализа в данной работе являются сербские лирические народные песни, в которых героиня использует магическую силу растений. Автор предполагает, что данные песни отражают обрядовую практику, т. е. в них совершена своего рода «поэтическая канонизация» фитонимических магических формул любви.

Ключевые слова: сербские народные песни, растения, магия растений, социальные отношения, поэзия.

Предметом данного исследования являются фрагменты некоторых народных песен, в которых говорится о магии растений, являвшейся в былые времена неотъемлемой частью обрядовой практики, связанной с любовью и браком [СНП I, бр. 645; Рајковић 1869, 96—97; Врчевић 1888, 31—32; Карановић 1990, бр. 217]¹. Это дает основание предполагать, что в основе данных песен может лежать ритуал, т. е. в них совершена своеобразная «поэтическая канонизация» фитонимических магических формул любви.

Исследователи говорят о том, что юноши и девушки в определенное время года — на Юрьев день (серб. «Биљани петак»²), на Троицу, на Ивана Купа-

¹ Под магией подразумевается следующее: «попытка употребить определенную силу, посредством поступков, о которых существует верование, что они оказывают непосредственное и автоматическое влияние на человека, на природу и на божество» [Kevendiš 1979, 17]. Магия стремится овладеть сверхъестественным влиянием и произвести желаемое. «В магии, если поступать в соответствии с определенными правилами, это приведет к желаемому результату, а если не приведет — это значит, что следование определенным правилам не было вполне точным» [Kevendiš 1979, 17—18; Раденковић 1984, 98].

² Пятница накануне Юрьева дня, которая является частью праздника [према Недељковић 1990, 27].

ла, в Вербную неделю³, на Видов день⁴, в период между Успением пресвятой Богородицы и Рождеством пресвятой Богородицы⁵ — ходили собирать растения. Во время сбора для каждого растения они произносили определенный текст, желая связать себя с любимым/любимой. Другими словами: они хотели приобрести определенную силу, которой, по их мнению, растение обладает, и получить с ее помощью желаемый эффект⁶.

Неизвестный автор, описывая девичье колдовство в Сараево в начале XX в., рассказывает, как нареченные невесты накануне Юрьева дня собирают растения, достигающие в это время зрелости⁷, такие как любисток⁸: *милодуха — нека је мила момцима* (пусть буду любимой парнями); желтый асфодель⁹: *златоглава — нека је златна* (пусть буду <желанной>, как золото); (серб.) «скупа»¹⁰ — *нека се момци купе око ње* (пусть

³ Девушки в это время плели венки из растений и сквозь них поглядывали на юношей [Милосављевић 1914, 62].

⁴ Предсказания и гадания на Видов день чаще всего совершались при помощи глазной травы, произнесением слов: «Свети Виде и видова траво, отворите ми очи да видим свога суђенога» [Драгићевић 1907, 40; Петровић 1948, 247; Недељковић 1990, 56]. Также девушки в Видов день обращались к глазной траве со следующими словами: «видовчице, по Богу сестрице» [Милићевић 1894, 132].

⁵ Об этом см. в.: [Недељковић 1990, 150].

⁶ Это когда-то было обычной обрядово-магической практикой [Иванов, Топоров 1974, 234—235; СД I, 485; СД II, 156; Раденковић 1984, 95, 110—111].

⁷ Об обычае ухода в травы в Юрьев день существуют обширные материалы и литература: [Милићевић 1894, 117—119; Мијатовић 1901, 121—125, Недељковић 1990, 72—80] с источниками данных.

⁸ Любисток (серб. *милодух, селен (ligusticum levisticum)*) — смотри в дальнейшем тексте.

⁹ Асфодель (серб. *златоглав, воловски реп, крајево копје, трава од жуца (asphodeline lutea)*) собирают в Юрьев день и на Ивана Купала [Милићевић 1894, 118; Софрић 1990, 101; Мијатовић 1901, 121; Чајкановић 4 1994, 88]. Во время сбора произносятся слова: «Златоглаве, златне ти си главе, ти ми знадеш тридест и три траве» [Милићевић 1894, 118], что указывает на веру в его большую силу.

¹⁰ Неизвестное растение.

парни собираются возле нее); папоротник¹¹: *навале — нек момци — муштерије навале* (пусть парни как покупатели <на товар> набрасываются); (серб.) «блехе»¹² — *да момци блече за њом* (чтобы парни блеяли <как бараны> за ней); валериану¹³: *одољена — да јој буде коса до кољена* (чтобы ее коса была до колена); настурцию¹⁴: *драгољуба — да је сватовима драго* (чтобы свадьба была хорошей); цикламен¹⁵: *менегледа — нек је свако гледа* (пусть все смотрят <на нее>) [Брканлија Касаблија 1903, 168]. В это время девушки украшали себя любистоком: *милодухом — да су миле* (пусть буду милой), и крапивой¹⁶: *жаром — да их ко не урекне* (чтобы их никто не сглазил) [Брканлија Касаблија 1903, 168]. Еще накануне Юрьева дня они колдовали над кровохлебкой¹⁷ (*диница*) и говори-

ли: (серб.) *Дињице, по Богу сестрице! Тако ти соли и хлеба, тако ти земље и неба, кажи ми мога суђенога, да га видим у сну као на јави* (Динице, по Богу сестра! Так тебе соль и хлеб, так тебе земля и небо, покажи мне моего сушеного, пусть я увижу его во сне как наяву) [Там же, 166]. Вук Врчевич тоже упоминает связь Юрьева дня и Ивана Купала с растениями и обрядовой практикой, приуроченной к этим праздникам (в Боке Которской, Герцеговине и Черногории). По его словам, «юноши и девушки на заре накануне Юрьева дня валяются в траве и украшают себя горными растениями» [Врчевић 1888, 28]. Затем он описывает аналогичные магические действия в день Ивана Купала: «И юноши и девушки в этот день украшают себя цветами, такими как любисток (серб.) *милодуха — да се милуемо* (чтобы была любимой); ноготки: *невена — да му срце вене* (чтобы его сердце <обо мне> вяло); чабер: *чубар — цвеће да ме добро чува* (чтобы хорошо берег меня); гвоздика: *каранфиља — да се не карамо* (чтобы не ругаться); базилик: *босока — да ме не смеће с ока* (чтобы смотрел на меня всегда); пижма: *калопера — да ме не оћера* (чтобы мне не отгонять); настурцию: *љубидраг — да ме боље љуби* (чтобы меня больше любили); подсолнух: *сунцогледа — нека гледа на ме* (пусть глядят на меня) и т. д.» [Там же, 43]¹⁸. Автор указывает на ряд растений, которые упоминает и некто, подписывающийся как «Касаблија». Это показывает, что люди в былые времена верили в силу растений, а «и т. д.», написанное в конце, позволяет заключить, что список упомянутых растений продолжается. Таким образом, и другие виды растений могли быть использованы на Юрьев день и на Ивана Купала в магических целях и для украшения¹⁹. То,

ljke/64-sanguisorba-minor-dinjica-krvara-zmij-ska-trava.html).

¹⁸ О символике этого растения, упоминающегося в народных песнях, пойдет речь ниже.

¹⁹ Это подтверждает и Любо Мичович, который пишет: «Если девушка хочет узнать про своего суженого, она в Юрьев день должна найти кудрявый рацитник и еще некоторые травы, смотреть на них перед сном и произносить следующие слова: «Зановјети, не зановјетај!/ Тиловјети, не тиловјетај!/ Веги кажи мога суђеног!» [Мићовић 1952, 250].

¹¹ Папоротник (серб. навала, (*aspidium filix mas*)). Существуют поверья о силе несуществующего цветка и семени папоротника, которые можно встретить накануне Ивана Купала, а тот, кто его найдет, начнет понимать язык животных и может найти зарытый клад [Софрић 1990, 176—182; Чајкановић 4, 1994, 262].

¹² Неизвестное растение.

¹³ Валериана (серб. *одољен, девесин, мащина трава, кукавичина трава (valeriana officinalis)*) является лекарственным растением, сильным апотропайном: молодожены и дети ее носят от глаза, также считается, что она способствует росту волос. Собирают в Юрьев день [Мијатовић 1901, 121; Софрић 1990, 169—171; Чајкановић 4, 1994, 155].

¹⁴ Настурция (серб. *драгољуб, капућинка, љубидраг (Tropaеolum majus)*) является лекарственным растением и употребляется в народной медицине [Софрић 1990, 85], см. также: URL: <http://zacini.wordpress.com/2010/10/14/biljka-dragoljub/>

¹⁵ Цикламен (серб. *менеглед, клубућић, михољица, колутак (Cyclamen europaeum)*) является лекарственным растением, богатым витамином С, похоже на лимон; девушки носили его в косах, чтобы парни обращали на них внимание [Софрић 1990, 165].

¹⁶ Крапиву (серб. *жара, коприва (urtica urens)*) собирали в Юрьев день [Беговић 1887, 116]. Это лекарственное растение, сильный апотропайон, употреблялось против глаза и в любовной магии [Софрић 1990, 142; Чајкановић 4 1994, 118—121].

¹⁷ Кровохлебка (серб. *дињица, крвара, змијска трава (sanguisorba minor)*) является специей и лекарственным растением (см.: URL: [158](http://www.divljina.org/sunceva-trpeza/bi-</p>
</div>
<div data-bbox=)

что сбор растений в определенные дни был обычным действием, подтверждает и другое название праздника Ивана Купала — (серб.) «свети Јован бильбер» (святой Иоанн — собиратель растений), а также богатые этнографические данные, свидетельствующие об этом [Беговић 1887, 24; Милићевић 1894, 133; Милосављевић 1914, 62; Петровић 1948, 247—248; Ђорђевић 1958, 390]. Существовало поверье, что растения, собираемые в день святого Иоанна (Ивана Купала), имеют *особое действие* [Тановић 1927, 73]. О разнообразии растений, применяемых в любовной магии, говорят и данные сестер Янкович, которые в своем описании королев из Лесковачской области упоминают, как девушки украшали цветами свои знамена: (серб.) «обртеном» — *да би се момци обртали за њима*²⁰ (чтобы парни крутились за ними); смолёвкой²¹: *пукнежи — да би пуцали за њима* (чтобы лопались <сердца> о них); копытнем²²: *копитњаком — да конне* (чтобы замирали); геранью: *здравац — да буду здрави* (чтобы быть здоровым) [Янкович 1952, 39]. Об украшении в определенное время (дня или года) юношами и/или девушками себя и своих вещей этими растениями пишет также [Софрић 1990].

Магическое употребление растений лучше всего иллюстрирует группа песен, записанных в разных местах разными авторами, в которых два женских персонажа (мать и дочь) в разговоре открывают, и в некоторой степени демистифицируют, силу растений. Одну из

²⁰ «Обртен» собирают в Юрьев день, чтобы «обртају момци: да заволе» девочку (гледајући кроз венчић од обртена) (см.: URL: <http://www.vokabular.org/forum/index.php?topic=1544.5;wap2> (Младеновић)).

²¹ Смолёвка (серб. *пукнеж, пуцавац, пушина, трава од урока (Silene vulgaris)*) — лекарственное растение, которое употребляется в пищу (см.: URL: <http://suncevatrepa.com/biljke/>).

²² Копытень (серб. *копитњак, коњско копито, копитник, омљњик, лесковњача, тамњанче (Asarum europaeum)*) — растение из семейства Кирказон, используется в народной медицине, существовало верование, что оно является сильным апотропаионом [Чайкановић 4 1994, 118]. Его собирают в пятницу, накануне Ивана Купала и накануне Юрьева дня [Мијатовић 1901, 121; Чайкановић 4 1994, 118].

них опубликовал Вук Врчевич, и ее, по его сведениям, пели в Юрьев день, когда проводилось обрядовое собирание растений и когда сила их магических действий, согласно народным представлениям, была весьма велика. Поэтому закономерно, что и само время исполнения песни связывается с Юрьевым днем, например:

*Мајка ћерку милује и кара,
На Ђурђевдан, на зеленој трави.*

Мать дочь ласкает и ругает
На Юрьев день, на зеленой траве.

При этом мать нежна и осторожна с дочерью, но одновременно укоряет ее и удивляется, как ее муж, несмотря на то что она бесплодна, не возненавидел и не прогнал ее, о чем и спрашивает в продолжении песни:

*“Што је, ћерце, кукала ти мајка!
Тено немаш од срца порода,
Како своје не омрану мужу?”* —

“Что же, дочь, кричала мать!
До сих пор не имеешь от сердца плода,
Как своему не опротивела мужу?”

Вводные стихи также представляют собой и аллюзию на значимость детей в традиционной сербской культуре²³, в которой бездетность является большим несчастьем²⁴. Но дочь отвечает матери:

*Не будали, моја стара мајко!
Како би ме оћерао Марко? —
Прву вечер кад сам се удала,
Вечеру сам зачарала Марку,
У вечери деветора биља,
[Врчевић 1888, 31—32]*

Не говори глупости, моя старая мама!
Как мне быть противной Марку? —
В первый ужин, когда поженились,
Вечером я зачаровала Марку,
На ужин девятью травами.

²³ О важности рождения детей см.: [Ђорђевић 1, 1984, 136—138]. М. Дж. Миличевич отмечает: «наш народ боится, чтобы его жены не были бездетными <...>, ибо некому будет зажечь свечу в день защитника семьи и некому будет молиться Богу за душу» [према Ђорђевић 1 1984, 137]. Бездетность считается и божим наказанием [Грбић 1909, 98; Милосављевић 1914, 83]. Поэтому уже накануне свадьбы совершаются разные магические действия для плодovitости [Ђорђевић 1, 1984, 313—324].

²⁴ Бесплодие считалась достаточной причиной, чтобы муж мог прогнать жену [Ђорђевић 2, 1984, 42—44].

Таким образом, дочь объясняет свою силу над мужем приготовлением ужина²⁵ в первый вечер совместной жизни. При этом она имела в виду не только магическую силу первого совместного ужина, в который она положила девять сортов растений, сила действия которых ей, конечно, была известна, но и время, самое удобное для заволаживания (вечер/ночь)²⁶. Этим она обнаружила владение разными знаниями, которыми женщины, без сомнений, обладают.

Слова данной песни представляют собой краткий обзор «истории» о том, как сложилось ее превосходство над мужем, которое основано на магии, магическом знании и, возможно, на ощущении себя колдуньей, которое обеспечивает ей статус, противоположный обычной женской подчиненности мужу в патриархальной культуре [Ђорђевић 2, 1984, 12—32], и одновременно выделяет ее из обычной среды.

Насколько велика сила растений²⁷, которой молодая женщина овладела и которую употребила в своих целях, иллюстрирует поведение красавицы Анджелии из другого варианта рассматриваемой песни, опубликованной Вуком Караджичем²⁸. Она ведет себя нехарактерно для женщины патриархальной культуры²⁹:

*Пошета ла дилбер Анђелија,
Пошета ла граду Биограду.
Она бира поредом јунаке;
Изабрала војеводу Павла,*

²⁵ Еда и питье в любовной магии у славян часто употреблялись как средство заволаживания [Ђорђевић 2, 1984, 89—90; СД III, 155].

²⁶ Силу над кем-либо, согласно верованиям, можно проявить через заволаживание [Ђорђевић 1, 1984 169—173], т. е. магическое действие, совершаемое до брака (любное заволаживание), и особенно в ходе свадьбы [Ђорђевић 1, 337—341], о чем в данном тексте идет речь. Самое удобное время для этого — ночь [Петровић 1948, 352].

²⁷ Славяне в былые времена часто употребляли растения в любовной магии [СД III, 154].

²⁸ Вук Стефанович Караджич не опубликовал песню в своем классическом сборнике [СНП I], а опубликовал ее и в сборнике «Народные сербские песни» (серб. «Народне српске пјесме» [СНП I, бр. 349].

²⁹ Оппозиция *мужчина/женщина* и ее семантические импликации имеют общеславянский характер [Иванов, Топоров 1965, 175—178].

*Изабрала и сама му дошла.
Вековали, пород не имали.*

Пришла красавица Анжелия,
Пришла в город Белград.
Она выбирала среди юнаков,
Выбрала Павла-воеводу,
Выбрала и сама за него замуж вышла.
Жили-вековали, детей не имели.

Гуляя одна по городу *Биограду* и сама выбирая себе молодцев, *дилбер*-Анджелия ведет себя не в соответствии с правилами поведения своей среды. Она покидает замкнутое пространство, характерное для патриархального мира, и, делая это вполне сознательно и решительно на протяжении длительного периода времени, она в дальнейшем открыто показывается всем, что на уровне высказывания проявляется в употреблении глаголов несовершенного вида и их анафорических повторов. После этого героиня нарушает право родителей выбирать, за кого пойдет замуж их дочь, что также подчеркивается и анафорическим повторением глагола *выбрала* (серб. *изабрала*), и тем фактом, что, в конце концов, она сама пошла в дом Павла. Поступки такого рода в традиционной культуре оценивались особенно отрицательно [Ђорђевић 1, 1984, 194—195]. Таким образом действия, осуждаемые традиционным обществом, из которого она приходит, накапливаются и повторяются, усиливая тяжесть ее преступления, и затем следует заслуженное наказание — бездетность. Описанные преступления в некоторой степени «развязывают» и неясные мотивационные узлы в первом варианте.

Вовсе не странно, что и этой героине мать задает тот же вопрос:

*Кхери моја, дилбер Анђелија,
Како тебе не отера Павле,
Кад ти немаш од срца порода?*

Дочь моя, красавица Анджелия,
Как ты не опротивела Павлу,
Ведь нет у тебя от сердца плода?

На этот вопрос дочь отвечает аналогичным ответом-объяснением:

*Не будали, моја стара мајко!
Како би ме отерао Павле,
Кад сам прву вечеру донела,
У вечери деветора биља.*

[СНП I, бр. 645]

Не говори глупости, моя старая мама!
Как мне быть противной Павлу? —
Когда первый ужин принесла,
Ужин с девятью травами.

Иными словами, в данном случае имплицитно указывается возможность того, что женщина за свое знание «заплатила» бездетностью, и данная история может рассматриваться как история об инициации, вернее, о двух инициациях, переплетающихся между собой. Первая инициация касается вступления в брак, а вторая представляет собой получение статуса ворожеи. Первая инициация удалась частично, поскольку женщина бездетна, и можно сказать, что это является платой за другую инициацию, более успешную, которая дала ей возможность сохранить свое личное имя, утрачиваемое женщиной в патриархальной культуре.

Бесплодная женщина, обладающая силой, перечисляет растения, которые она подмешала в ужин своему мужу:

*Милодуха, да се милујемо;
Калопера, да ме не поћера;
Љубичице, да ме вазда љуби;
Каранфила, да се не карамо;
Чубар цв'јећа, да ме добро чува;
Босиока, да м' не смеће с ока;
А невена, да му срце вене,
Самдокаса и околочеп!*
[Врчевић 1888, 31—32]

Милодуха — чтобы быть любимой,
Калопера — чтобы мне не опротивить,
Любичице — чтобы меня всегда любили,
Каранфила — чтобы не ругали,
Цветы чубра — чтобы хорошо берегли
меня,
Босиока — чтобы всегда смотрел
на меня,
Невена — чтобы сердце <обо мне> вяло,
Самдокаса и околочеп!

Так песня и заканчивается. В другом варианте растения, которые Анджелия положила Павлу в первый совместный ужин, носят те же названиями и идут в том же порядке:

*Милодуха, да се милујемо,
Калопера, да ме не отера,
Љубичице, да ме свагда љуби,
Каранфила, да се не карамо;
Чубра цвећа, да ме добро чува;
Босиока, да м' не смеће с ока;
А невена, да му срце вене;
Самдокаса и околочеп*
[СНП I, бр. 645].

Это является подтверждением обладания определенными знаниями, необходимыми для сохранения бездетного брака, любви и эротического притяжения, но в некоторой степени (всего лишь в некоторой степени) разоблачает приемы и методы, которые нужно было хранить в тайне. В данной ситуации дочь, судя по всему, упоминает эти знания, чтобы продемонстрировать матери то, что она ими овладела.

Для «ядовитого ужина», который жена приготовила своему мужу, использовались девять магических растений, из которых одно является мифологическим. И как раз это число — девять (как непарное «открытое», «динамическое» число, с которым связана перемена, переход из одного уровня в другой, символ чужого, демонического, в магии самое чудодейственное [Раденковић 1996, 23, 79, 323—324, 339—341]) является гарантией ее успеха³⁰.

Перечисляя растения, которыми *заворожила ужин* Марку/Павлу и так связала его с собой, женщина упоминает те, которыми юноши и девушки украшали себя на Юрьев день и на Ивана Купала, чтобы их кто-нибудь полюбил, и в апотропеическую, люстративную и магическую силу которых люди верили в былые времена, и которыми пользовались в большой степени в лечебных целях. Любисток ((серб.) *милодув, благовань, изоп, сипан, селен*)³¹ (*Levisticum*

³⁰ «В Герцеговине народ верит, что существует девять сортов змеиных трав, и если бы человек соединил их все, это было бы эффективное лекарство от всякой змеи» (ГЗМ, н. с., 15, 168). В мифологии число девять (еще с мисирской «великой Девятки богов») играет важную роль (ср. у нас «девять братьев»), а о силе девятиречных растений знают и другие народы, например, словаки, у которых девушки накануне 24 апреля плетут венки из веточек девяти деревьев (*Oelicherčik, Slovenský folklór*, 57). У германцев при ворожбе играет большую роль «трава из девяти сортов» («neunerlei Kräuter», Wuttke, *Der deutsche Volksaberglaube*, Berlin, 1869, 120 ид).

³¹ В литературе иногда проводится различие между (серб.) *селен* (*Levisticum officinale*) и *милодух* (*Hyssopus officinalis*), который был известен еще в библейские времена. Любисток считали святым растением, его использовали в медицине и кулинарии. Им также кадили храмы. (URL: <http://zacini.wordpress.com/2010/10/16/biljka-miloduh>).

officinale)³² считался растением любви [Брканлија Касаблија 1903, 168; Чајкановић 1994, 183—184], и, как уже было сказано выше, им украшали себя юноши и девушки, произнося формулу: *милодуха, нека је мила момцима* (милодуха, пусть буду любима парнями) [Брканлија Касаблија 1903, 168]. Эта формула в песне повторяется, чем подчеркивается ее магическо-этимологический потенциал, связанный с любовной лаской (милованьем), а этим же потенцируется и актуальная связь между супругами и одновременно активизируется воспоминание о происхождении силы растения. Это является обязательным условием эффективности магии, из-за чего она будет аналогично применяться и в продолжении описания «ужина-завораживания».

Пижма ((серб.) *калопер, маријина трава, пижма (tanacetum balsamita)*)³³ также используется в магических действиях, совершаемых в Юрьев день или в день Ивана Купала [Врчевић 1888, 43; Милићевић 1894, 118]. В это время проговаривалась формула: *калопера, да ме не оћера* [Врчевић 1888, 43], она указывает на веру в бесплодность этого растения [Софрић 1990, 135; Чајкановић 4, 1994, 110], с одной стороны, и на те знания, с помощью которых бесплодная женщина не дает мужу прогнать ее — с другой.

Про фиалку (серб. *љубичица, фиолица, мелекуша, виола, виолица (Viola odorata)*)³⁴ как третий компонент смеси

Зафиксирован текст, в котором особо упоминается любисток (серб. «селен»): «Ој, селине, бел пелине/ Сви те зову “бел пелине”/ Ја те зовем омајниче/ Да омајеш, да обрнеш/ И све момке да наврнеш./ Селин, да одсели/ Купина да откупи/ А вратика да одврне/ Од свака зла, од свака напрата» [Раднековић 1982, бр. 585].

³² Употреблялся и как лекарство (см. URL: <http://zacini.wordpress.com/2010/10/16/biljka-miloduh/>).

³³ Она употребляется для лечения разных болезней и сейчас (см. <http://belko.gofoforum.com/t57-kaloper-tanacetum-balsamita>).

³⁴ Гефест добился склонности Афродиты при помощи фиалок. Зевес, по преданию, наполнил луг фиалками, чтобы утешить свою любовницу Ио, которую из-за ревности Геры должен был превратить в корову. Первые фиалки были созданы, согласно мифу, из-за любви. Влюбленная Кибела принудила Атиса дать обязательство безбрачия и присвоила ему сан священника. Он, несмотря

трав для любовного завораживания бытовало поверье, что у нее большая сила, и она употреблялась для поддержания стабильности брака и верности [Чајкановић 4, 1994, 146]; наверное, поэтому на Ивана Купала произносили формулу: *Љубичице, да ме вазда/свагда љуби* (Любичице, чтобы меня всегда любили) [Врчевић 1888, 43]. Фоносемантический смысл сербского названия *љубичица (љубити)*, связанный с глаголом *љубити*, должен был магическим путем через поцелуй укрепить физическую близость супругов. Поэтому данная строка послужила ассоциативным каналом для возникновения сильной эмоции, из чего проистекает возможность включения этого растения в смеси, которые готовили ворожеи, чтобы кого-либо принудить к занятиям любовью.

Гвоздика ((серб.) *каравиље гарофан, катмер (dianthus caryophyllus)*) в традиционной культуре также связывалась с женщиной и браком [Софрић 1990, 135—136; Чајкановић 1994 4, 110—111]. Ее собирали на Ивана Купала, когда производилась формула: *каранфиља, да се не карамо* [Врчевић 1888, 43], которая, судя по всему, не без причины вошла в песню о бездетной женщине. И лечебные свойства этого растения, и верования, с ними связанные, могли послужить основой для использования его в смеси трав для любовного завораживания.

Лечебные и афродизические свойства чабера ((серб.) *чубар, чубрика, бресина, јабер, осогриз, серженак (Satureja hortensis)*), были известны еще древним грекам и римлянам, а в сербской культуре его рассматривали как апотропайон [Чајкановић 4, 1994, 214—215]. Это отразилось в формуле: *чубар цвејеће, да ме добро чува* (Цветы чубар — чтобы хорошо берегли меня) [Врчевић 1888, 43], которая производилась в ходе обрядового украшения на Ивана Купала и присутствует в обоих вариантах песни.

Базилик ((серб.) *босиљак, фаслићен, маслићан (Ocimum basilicum)*), парафраз силы которого содержится в формуле: *босиока, да м'не смеће с ока*, производимой в течение его ритуального сбора

на это, влюбился в Сангрею, из-за чего Кибела наказала его смертью, а из его крови выросли первые фиалки (см. URL: http://www.cvijet.info/zacinsko_i_ljekovito_bilje/ljubica_lat_viola_odorata/114.aspx).

[Врчевић 1888, 43], также употреблялся в медицине, в люстративных и апотропеических целях, в обрядовой практике и для заклинаний³⁵, особенно в брачной и любовной магии [Софрић 1990, 29—32; Чајкановић 4, 1994, 36—43; СМ 2001, 133]. Поэтому девушки ворожили с ним о свадьбе и носили его за пазухой, чтобы парни их любили. Невеста смотрела на жениха через венок из базилика и подмешивала его в хлеб, который он ел, чтобы он ее любил [Дебельковић, 1907, 206—207; СД I 1995, 133]³⁶. Таким образом героиня умела пользоваться силой базилика в пище.

На Ивана Купала девушки и парни украшали себя также ноготками ((серб.) *невен, жутель, прстенчац, огњац* (*Calendula officinalis*)), произнося следующие слова: *a невена да му (или joj) срце вене* [Врчевић 1888, 43]. Ноготки — это растение, лечебное, люстративное и магическое действие которого уже на протяжении многих веков широко известно [Софрић 1990, 168—169; Чајкановић 4, 1994, 154], и которое героиня-ворожея использовала, чтобы муж ее всегда любил.

Наконец, два растения — самдокас (серб.) и колючеголовый василек (серб. *околочен*) — в конце песни только упоминаются, что имплицитно силу их действия (поскольку достаточно только упомянуть их), но этим подчеркнута тайна, которой укрыта сила их действия. Это проявляется в отсутствии названий этих растений в обрядовой практике, которая, в отличие от колдовства, имела публичный характер. Уже тем, что они заканчивают песню, «самдокас» и колючеголовый василек получают неприкосновенный статус растений для ворожбы. При этом «самдокас», возможно, представляет собой забытое название реально существующего растения, но не исключается возможность того, что речь идет о растении вымышленом³⁷.

³⁵ Ворожеи в течение лечения в руке держали базилик [СД I 1995, 133].

³⁶ Кушаки, которыми свекровь опоясывала невесту, тоже были украшены базиликом [према Чајкановић 4, 1994, 37].

³⁷ Примус Шоботка (Primus Sobotka) в своей работе «Rostlinstvo a jeho význam v národních písních, povstech, bájkách, obadech a povráčích slovanských; příspěvek k slovanske symbolice» (1879), Матица чешская, стр. 52, упоминает «самдокас» и говорит, что в сербской (этимологической) магии он имеет ту же функцию, что

Колючеголовый василек, серб. «околочен», некоторые авторы приравнивают к мандрагоре (*mandragora officinalis*)³⁸, которая считалась магическим растением, предназначенным для любви *par execlance*³⁹. По-сербски его еще называют «модра сјекавица», «сикавица», «зецији брк» (*centaurea calcitrapa*)⁴⁰. О нем

и пижма (серб. «вратић») у малороссов, т. е. украинцев (воротиться — вернуться самому). Он приводит следующий пример: сербская мать, чтобы помочь дочери, которую не хочет юноша, но который ей нравится, совершает следующее: «Српска мајка да би помогла кћери, када је неће момак коме је она рада: Па ћ'копати тројг'а биља. У наставку наводи стихове» [Рајковић 1869, 96—97].

³⁸ Мандрагора содержит в себе яды, которые вызывают лихорадку, галлюцинации и падучую болезнь. В средние века ее давали женщинам, которые в забыты прорицали судьбу, она была также важной составляющей мазей, употребляемых колдуньями, ее добавляли в любовные напитки. Йово Медич опровергает мнение, что василек можно приравнивать к мандрагоре [Medić 1928, 259—271].

³⁹ Василек в народной магии употреблялся в приворотных целях, о чем свидетельствуют названия *приворот, приворотник* [Анненков 1876, 89]. Корни василька в Казанской губ. употреблялись «от тоски» [Крылов 1882, 11]. В сербской народной песне *околочен* 'василек колючеголовый' (*C. Calcitrapa*) — одно из девяти растений, применяемых, согласно песне, для любовных чар [Караић 1841, 468, № 645]. В Герцеговине этот вид (*модра сјекавица, околочен*) считается чародейским растением, способным навести любовные чары [Мићовић 1952, 250]. В Болгарии *синчец* 'василек' в числе прочих входил в сбор трав на *Яновден* [Пирински 1980, 49]. Применялся василек и в молочной магии: им окуривали коров каждую первую пятницу после новолуния, чтобы они давали больше молока, в Краковском крае васильком горькушей (*C. jacea* (*gijwienka*)) окуривали коров, чтобы молоку не вредили чаровницы [Там же, 17]; в Судецком крае им также окуривали коров, чтобы предохранить их от вреда, который могла причинить чаровница; в Опольском крае с этой же целью растением, предварительно лишенным лепестков, окуривали вечером пороги скотных дворов [Lehr 1985, 64], URL: <http://topreferat.znate.ru/docs/index-33297.html?page=74>. Смотри в: Љубинко Раденковић, Расковник у кругу сличних биљака, URL: http://www.facebook.com/permalink.php?story_fbid=10151317475067642&id=260116062641.

⁴⁰ Колючеголовый василек — согласно верованиям, использовался для приготовления любовных напитков [Глишић 2, 1963];

бытовало поверье, что оно обладает «большой таинственной силой». «Когда кто-либо хочет выкопать его корень, он под натиском уходит глубже в землю, а кому это удастся, тот становится очень счастливым, и если кто-либо посмотрит через находящееся в конце этого корня кольцо на царскую дочь, она пойдет за него. Это растение обычно растет в старых подвалах, около развалин и пограничных стен. Если кто-либо хочет выдернуть корень, под него сначала нужно подложить луженый круглый противень и выкапывание начать сверху, так что, если корень почувствует откапывание, он станет бежать и упадет прямо в противень» [Мишовић 1952, 250].

Героиня обо всем сообщает матери, поэтому песня является «рекапитуляцией» ее знаний о растениях, использованных в магических целях⁴¹, и одновременно представляет собой и «отчет» об этом. Поэтому не исключено, что мать в данном случае только изображает незнание и своими вопросами всего лишь проверяет дочь. Можно предположить, что она научила свою дочь колдовать, о чем говорят вводные строки песни, которые определяют место события:

*Мајка ћерку милује и кара,
На Ђурђевдан, на зеленој трави.*

Мать дочь ласкает и ругает
На Юрьев день, на зеленой траве.

Хронотоп Юрьев день и зеленая трава указывают на события, происходящие во время этого праздника обновления природы: в Юрьев день обычно начинали впервые собирать весенние травы и

URL: <http://www.bioras.petnica.rs/slika.php?id=1790>; Centaurea Calcitrapa L. Приворот, Приворотник (Мейер, Бот. Сл.). Sikawice. — Сербск. Околочеп. — Там. Корал. — Груз. Нари (Эрист.) — Нем. Die Sterndistel, Triftendistel, Wegesterndistel, Wurzflockenblume. — Франц. La Cent. Chausse-trape. — Англ. Star-Thistle. Употр. прежде в медиц. под именем Calcitrapa s. Carduum stellatum (Нб. Rad. et Sem.). Н. Анненков. Ботанический словарь. Са-Сі. URL: <http://www.simbir-archeo.narod.ru/Russian/19vek/annenkov/c.htm>

⁴¹ «Заговор и колдовство — это тайная работа. Сообщается она только одному доверенному лицу. Но если колдовству от одного лица научится более, чем три человека, в таком случае оно не помогает» [Петровић 1948, 353].

растения [Петровић 1948, 241—242]. Рассказ об инициации в колдунью, которая разбирается в травах, о чем уже шла речь, укрепляет темпоральный и локационный код, что имплицитно и сакрализацию содержания, подразумевающую указание на происхождение магической силы растений, например: *милодуха, да се милујемо...*, которая в период праздника усиливалась и обновлялась.

Поскольку действие первой песни связано с Юрьевым днем, она и пелась в Юрьев день, когда начинали собирать растения и женщины впервые обучались навыкам пользования ими, именно тогда матери вели своих дочерей *в травы* «и показывали им таким образом, что и они знают нужные травы» [Мијатовић 1901, 121]. Данное описание указывает на возможное антиповедение ритуального субъекта, вошедшего в процесс инициации, когда больше не действуют общие правила. На все сказанное можно смотреть всего лишь как на возможное, а не обязательно произошедшее, на что особо указывает присутствие ритуального помощника (матери), которая, если это предположение точно, в данном случае только притворяется.

Справедливость этого замечания подтверждает содержание третьего варианта песни, в котором мать (а не дочь) занимает активную позицию. Она, подстрекаемая перепиской с несчастливой замужем дочерью, свою наследницу сначала учит терпению, а потом и аналогичным магическим действиям, советуя ей:

*Трпи, Маро, до Ђурђева дана,
Доћиће ти мајка у по'оде.
Док ја одем у Кунар планину,
И наберем биља свакојака:
Санмдокаса и околочена,
Босика, да не смеће с ока,
Џубер траве, да те добро чува,
Милодуха, да се милујете,
Калопера, да се не карате.*

Терпи, Маро, до Юрьева дня,
Придет твоя мать скоро.
В то время пойдем в Кунар-планину
И нарвем всякой травы:
Санмдокаса и околочена,
Босиока — чтобы всегда смотрел

на меня,
Трава *чубер* — чтобы хорошо берегли
тебя,

Милодуха — чтобы быть любимой,
Калопера — чтобы не опротиветь.

Когда наступает Юрьев день, мать, согласно песне, уходит в горы и собирает растения, которыми пользовались героини из предыдущей песни.

В конце мать *печет пирог с растениями*, а потом идет с ним в гости к зятю Йове, вместе с этим пирогом дает и пирожное с упомянутыми травами, собранными в Юрьев день, чтобы он все это съел на ужин:

*Питу једе Јово чељебија,
Кол'ко му се слатка учинила,
С гвоздењаче калај састругао.
Па говори: «О, Марина мајко,
Кол'ко ми је ова пита драга,
Још је дража мени моја Мара»*
[Карановић бр. 217]⁴².

Ест пирог Йово-челебиец.
Столько ему сладкого приготовила,
Что кованую оловянную посуду
исцарапал.

И говорит: «О, Марина мама,
Столько мне этот пирог нравится,
Сколько дорога мне моя Мара».

Отражение данного верования в силу растений и полезность их использования в точно определенное время в определенном месте присутствует и в песне, в которой девушка умоляет не любящего ее юношу о поцелуе, а он ее жестоко отталкивает, из-за чего она жалуется матери, а та ей отвечает:

*Не бој ми се, кћери моја,
Док попухну југовине
И окопне странурине,
Ја ћ' узети мотичину,
Па ћ'копати тројг'а биља,
Обрнице и вратиче»⁴³
И ситнога самдокаса,*

⁴² Песня опубликована в журнале *Даница* (IX, 31. 01. 1868, бр. 3, 65-66) под названием «Народные боснийские песни» («Народне песме босанске»).

⁴³ Пижма (серб. «вратич») представляет собой лечебное, но и ядовитое кустообразное растение из семейства Сложноцветных (*Šulek*). Оно магическим образом возвращает что-либо в прежнее состояние, которое посторонним колдовством нарушено. Поэтому понятно почему этим именем в нашем народе называются многие растения. При помощи пижмы можно колдовать через спину коровы, чтобы у нее было молоко [СЕЗ, 32, 1925, 425; ZNŽOJS, 7, 1902, 180—181]. Ее собирают на Ивана Купала [СЕЗ, 14, 57].

*Сам ће Иво докасати,
Л'јеној Мари под пенџере.*
[Рајковић 1869, 96—97]

Не бойся, дочь моя,
Пока дует южный ветер
И обвеваает сторону <горы — ?>
Я возьму мотыгу
И выкопаю три травы:
Обрнице и вратиче,
И мелкого *самдокаса*.
Сам Йово попадет
К красивой Мари под каблук.

И в данном случае актуализируется этимологическо-фондовая связь между растениями и соответствующими ожидаемыми действиями, в основе которой лежит вера в связь между названиями, предметами и существами, к которым они относятся, и что является одним из предположений магическо-мифологического сознания [Kasireg 1972, 4]⁴⁴. И согласно этому, всё в конце происходит так, как она обещала и предвидела.

Иными словами, мать не только помогает дочери, но опосредованно обучает ее, когда и как нужно искать растения, наделенные силой, которую можно использовать. Этим мать вводит дочь в статус знатока, который умеет этими растениями пользоваться. Вышесказанное подтверждает старый обычай, когда матери водили своих дочерей *в травы* на Юрьев день и таким образом передавали им нужные знания, связанные с растениями, и так их готовили к взрослой жизни⁴⁵.

Таким образом, данные истории, в которых активную роль поочередно играют мать и дочь, в которых совершаются аналогичные поступки, а рассказаны они с разных точек зрения, являются изоморфными. В первой, которая по отношению к дочери направлена в будущее, мать передает своей наследнице определенные знания, а в другой, рекапитулирующей прошедшие события и сообщающей об овладении ими, инициатива принадлежит дочери. В описанных действиях в центре

⁴⁴ Язык и магия слова в науке наделяются особой силой [Kevendiš 1979, 22—23].

⁴⁵ «Не знают все женщины в одинаковой степени, какие травы нужно в этот день собирать: для этого существуют особые женщины, которые в этом лучше всех разбираются» [Мијатовић 1901, 121].

внимания находится магия растений, а песня является своеобразным каналом, передающим знания, известные только ворожее и ее наследнице.

Литература

Беговић 1887 — *Беговић Н.* Живот Срба гачичара. Загреб, 1887.

Братић 1903 — *Братић Т.* Пабирци из народне медицине у Херцеговини // Гласник Земалског музеја. Књ. XV. 1903. С. 153—180.

Бркалија Касаблија 1903 — *Бркалија Касаблија.* Обичаји у Сарајеву о Ђурђеву дне // Караџић IV. Алексинац, 1903. С. 166—168.

Врчевић 1888 — *Врчевић В.* Помање Српске народне свечаности уз мимогредне народне обичаје. Сабрао по Боки Которској, Црној Гори и Ерцеговини Панчево, 1888.

Грбић 1909 — *Грбић С.* Српски народни обичаји из среза болевачког // Српски етнографски зборник. Књ. VII. Београд, 1909.

Дебелковић 1907 — *Дебелковић Д.* Обичаји српског народа на Косову пољу // Српски етнографски зборник. Књ. VII. Београд. С. 1907.

Драгићевић 1907 — *Драгићевић Т.* Гатке босанске млађарије // Гласник Земалског музеја. Књ. XV. 1907. С. 31—56.

Ђорђевић 1984 — *Ђорђевић Т.* Наш народни живот, 1 и 2. Београд, 1984.

Ђорђевић 1958 — *Ђорђевић Д.* Живот и обичаји народни у Лесковачкој Морави // Српски етнографски зборник. Књ. LXX. Београд, 1958.

Иванов, Топоров 1965 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1965.

Иванов, Топоров 1974 — *Иванов В. В., Топоров В. Н.* Исследования в области славянских древностей. М., 1974.

Јанковић 1952 — *Јанковић Љ. и Д. С.* Народне игре. Књ. VII. Београд, 1952.

Карановић 1990 — *Карановић З.* Народне песме у Даници. Нови Сад, Београд, 1990.

Мијатовић 1901 — *Мијатовић С. Т.* Ђурђевдан (у Левчу) // Караџић. 1901. III. Алексинац, 1901.

Мијатовић 1900 — *Мијатовић С. Т.* Народна медицина Срба селака у Левчу и Темнику // Српски етнографски зборник. Књ. XIII. Београд, 1909.

Милићевић 1894 — *Милићевић М. Ђ.* Живот Срба селака // Српски етнографски зборник. Књ. I. Београд, 1894.

Милосављевић 1914 — *Милосављевић С.* Српски народни обичаји из среза хомолског // Српски етнографски зборник. Књ. XIX. Београд, 1914.

Мишовић 1952 — *Мишовић Љ.* Живот и обичаји Поповца // Српски етнографски зборник. Књ. LXV. Београд, 1952.

Недельковић 1990 — *Недельковић М.* Го-дишњи обичаји у Срба. Београд, 1990.

Петровић 1948 — *Петровић П. Ж.* Живот и обичаји народни у Грузи // Српски етнографски зборник. Књ. 58. Београд, 1948.

Раднековић 1982 — *Раднековић Љ.* 1982, Народне басме и бајања. Ниш, 1982.

Раденковић 1984 — *Раденковић Љ.* Љубавна магија — симболика промене // Расковник. Београд, 1985. С. 5—25.

Раденковић 1996 — *Раденковић Љ.* Симболика света у народној магији Јужних Словена. Ниш, 1996.

Рајковић 1869 — *Рајковић Ђ.* Српске народне песме (женске), већином из Славоније. Нови Сад, 1869.

СНП I — Српске народне пјесме, I, Беч, 1841, према: Сабрана дела Вука Стеф. Караџића, IV, приредио В. Недић, Просвета, Београд, 1975.

СД I 1995 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1995. Т. I.

СД II 1999 — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 1999. Т. II.

СД III — Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5 т. / под общ. ред. Н. И. Толстого. М., 2004. Т. III.

Софрић 1990 — *Софрић П. Н.* Главније биле у народном веровању и певању код нас Срба. Београд, 1990.

Тановић 1927 — *Тановић С.* Српски народни обичаји у Ђевђелијској Кази // Српски етнографски зборник. Књ. XL. Београд, 1927.

Чајкановић 4 1994 — *Чајкановић В.* Речник српских народних веровања о биљкама / прир. В. Ђурић. Београд, 1994.

Чајкановић 5 1994 — *Чајкановић В.* Стара српска религија и митологија. Београд, 1994.

Kasirer 1972 — *Kasirer E.* Jezik i mit. Novi Sad, 1972.

Kevendiš 1979 — *Kevendiš R.* Istorija magije. Bеоград, 1979.

Lovretić 1902 — *Lovretić J.* Otok. Narodni život i običaje // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. VII. Zagreb, 1902.

Medić 1928 — *Medić M.* Folklorističke dopune. Mandragora // Zbornik za narodni život i običaje Južnih Slavena. Knj. XXVI. Zagreb, 1928.

Перевод с сербског Анжели Прохоровој.

Summary. *This papers analyses verses of several Serbian folk lyrical poems which are based on floral magic. Examples of ritual and magical practice show how this kind of magic used to be employed in the ritual practice related to love and marriage. It is concluded that the verses of these poems are based on rituals, i.e. that phytonymic magical formulae of love have been "poetically canonised".*

Key words: *Serbian folk poetry, plants, ritual, floral magic, social relationships, poetry.*